

УДК 316.4

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8)

EDN: VIJSWS

Научная статья

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ АДАПТИРОВАННОСТИ К РИСКОГЕННОМУ КОНТЕКСТУ СРЕДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЩЕРОССИЙСКОГО РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОПРОСА)

Елена Викторовна Шлыкова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

shly-ev@yandex.ru,ORCID [0000-0002-2875-271X](https://orcid.org/0000-0002-2875-271X)

Для цитирования: Шлыкова Е. В. Социальное самочувствие взрослого населения России как показатель адаптированности к рискогенному контексту среды (по материалам общероссийского репрезентативного опроса) // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 4. С. 195–211. DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8). EDN VIJSWS.

Аннотация. Исходным для анализа в статье является представление об уникальности переживаемой российским обществом адаптивной ситуации, вызванной необходимостью взаимодействовать с рискогенным контекстом среды, формируемым длительным воздействием витальных рисков. Обобщение результатов мониторинговых замеров социального самочувствия и характера тревожности выявило противоречивые тенденции в состоянии адаптированности населения России, определяемые как адаптивная асимметрия. На базе методологических положений полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности сформирована объяснительная модель специфики процесса адаптации к рискогенному контексту. Автор исходит из положения, что в основе адаптивных механизмов в рискогенных средах лежит выбор способа взаимодействия с риском, а именно – между принятием возможного ущерба в ожидании последующего успеха или избеганием ущерба из-за опасения неудачи. Эмпирической проверке подвергается гипотеза о «роли» выбора способа взаимодействия с риском как фактора успешности/неуспешности адаптации и способствующего/препятствующего адаптивной асимметрии в обществе. На основе данных общероссийского репрезентативного социологического опроса осуществлён сравнительный анализ целевых групп, различающихся позициями в отношении выбора способа взаимодействия с риском, по расширенному для рискогенных сред комплексному показателю социального самочувствия. Показано, что выбор активного освоения неопределённости через поиск в рискогенной среде новых возможностей для роста собственного благополучия и личностного развития является фактором повышения адаптированности населения и снижения адаптивных асимметрий в обществе.

Ключевые слова: рискогенный контекст, жизненная среда, неопределённость, статус безопасности, способы взаимодействия с риском, адаптивная асимметрия, социальное самочувствие, адаптированность

Введение

Современный контекст повседневной жизнедеятельности российского общества обуславливается следующими друг за другом *принципиально новыми* социально значимыми вызовами: пандемия коронавируса сменяется специальной военной операцией, беспрецедентным санкционным давлением, противостоянием с коллективным Западом, вынужденным ускоренным импортозамещением и глобальным переустройством миропорядка. Следствием указанных чрезвычайных событий выступают скорость, глубина, разнонаправленность и вариативность изменений, формирующих жизненную среду, сущностной чертой которой является высокая степень неопределённости – как на уровне общественной системы в целом, так и отдельных её компонентов, в том числе населения России.

Накопленная и опубликованная к настоящему моменту социологическая эмпирическая информация позволяет выявить и описать специфические особенности сложившейся ситуации, её отражения в сознании населения России и роли в формировании жизненной среды российского общества.

В отношении неопределённости наблюдаются существенные различия в показателях массовых умонастроений в период кризисов 2009, 2014, 2016 гг., в годы пандемии коронавируса и начиная с весны 2022 г. Результаты сравнительного анализа данных общероссийского мониторинга, проводимого Институтом социологии ФНИСЦ РАН, показывают, что в предшествовавшие кризисные периоды в массовом сознании фиксировалась в основном нейтральная в отношении возможного развития событий неопределённость, в настоящее время в российском обществе стала складываться «негативная неопределённость», связанная с ожиданием ухудшения ситуации [1, с. 251]. В этих условиях наблюдается доминирование чувства тревожности у значительного числа россиян [2, с. 329] и рост специфических страхов различной природы [3, с. 314–315].

Тревожность и страхи в массовом сознании традиционно рассматриваются как реакция на наличие источника негативного воздействия, а именно – опасности и риска. Результаты обобщающего анализа годовых отчётов «Национального индекса тревожностей» – ежеквартального рейтинга тревог россиян, рассчитываемого на основе анализа материалов СМИ и социальных сетей ¹ за 2020–2024 гг. и двух кварталов текущего года, показывают резкую смену «тревожного поля» в первом квартале 2022 г.: из повестки дня ушли риски пандемии и связанные с ней события, несмотря на то что уровень заболеваемости оставался ещё достаточно высоким, и актуализировались риски, связанные с проведением СВО на Украине. «Суммарный медиа индекс тревожности

¹ Национальный индекс тревожностей // КРОС : сайт. 2025. URL: <https://www.cros.ru/ru/> (дата обращения: 18.09.2025).

в 2022 году вырос более чем в два раза по сравнению с 2021 годом – с 9 790,27 до 21 394,68, что объясняется более напряжённой повесткой в целом. При этом в 2021 году суммарный индекс тревожности вырос на 71% по сравнению с 2020 годом – с 5 734,78 до 9 790,27, что было связано преимущественно с повесткой пандемии коронавируса»¹. Резкий подъём тревожности в массовом сознании характерен для начала обоих чрезвычайных событий, однако начало СВО вызвало значительно более высокий рост напряжённости в обществе по сравнению с первым годом пандемии коронавируса.

При этом в период пандемии на верхних позициях рейтинга тревожностей наряду с рисками коронавируса регулярно оказывались и «обычные» для нашего общества факторы (рост цен, уровень зарплат, увеличение числа тяжких преступлений и пр.). Начиная с весны 2022 г. до конца 2024 г. события на фронтах, атаки беспилотников, диверсии, ядерная эскалация, возможный военный конфликт с НАТО, ситуация в зоне КТО (Курск, Белгород), угрозы терактов неизменно занимали первые места рейтинга тревожностей, лишь иногда уступая их повседневным ситуационным факторам². С начала 2025 г. наблюдается некоторое снижение тревожности в этом направлении, однако факторы, связанные с проведением СВО, всё ещё остаются в десятке основных.

Устойчивый характер наблюдаемых факторов тревожности указывает на повышенную рискогенность контекста жизненной среды современного российского общества, детерминированную витальными рисками военных действий и террористических атак, которые, по данным наших многолетних исследований, в относительно спокойные годы вызывали тревожность у пренебрежительно малой доли респондентов из разных выборочных совокупностей. Можно утверждать, что рискогенный контекст жизненной среды населения России, формируемый длительным влиянием витальных рисков, не имеет аналогов в жизни абсолютного большинства россиян. Такая жизненная среда создаёт уникальную адаптивную ситуацию, детерминированную отсутствием опыта адаптации к подобному рискогенному контексту.

Вследствие формирования уникальной адаптивной ситуации, как правило, происходят изменения адаптационных стратегий, появление новых моделей и способов социальной адаптации, актуализация латентных факторов и ресурсов, влияющих на успешность и тип адаптации, и все эти процессы связаны с динамикой и состоянием *социального самочувствия* – *основного показателя адаптированности населения к сложившейся жизненной среде*.

Результаты мониторинговых эмпирических замеров динамики социального самочувствия населения России за достаточно длительный период развития российского общества указывают на противоречивые тенденции в состоянии социального самочувствия, присущие текущему моменту времени. С одной стороны,

¹ Национальный индекс тревожностей. Выводы исследования // КРОС : сайт. 2025. URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety_part_detail/4053/ (дата обращения: 18.09.2025).

² Национальный индекс тревожностей. Исследования // КРОС : сайт. 2025. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/> (дата обращения: 18.09.2025).

ухудшение целого ряда показателей, характеризующих социальное самочувствие населения России, непосредственно после начала чрезвычайного события (как пандемии коронавируса, так и СВО) и довольно быстрый их возврат в прежнее состояние с тенденцией к постепенному росту являются «одними из наиболее убедительных признаков устойчивости адаптационных процессов» [4, с. 19]. С другой стороны, в последние годы наблюдается рост страха перед неопределённостью будущего и сохраняется относительно высокий уровень тревожности в обществе [3, с. 314–315], а массовое сознание россиян характеризуется хотя и не исключительным (радикальным), но экстремальным состоянием [2, с. 321].

Интерпретация выявленного противоречия в рамках социологии адаптаций позволяет утверждать, что определённая часть населения России в настоящий момент переживает состояние *адаптивной асимметрии* – «рассогласованности адаптивного поведения и адаптивного сознания» [5, с. 217], и это указывает на незавершённость процесса социальной адаптации к сложившемуся рискогенному контексту. Длительные адаптивные асимметрии требуют особого напряжения адаптационных ресурсов и быстро их истощают, что порождает ситуацию кризиса адаптации, не позволяя успешно завершить восстановление нарушенного равновесия со средой. Проявляющаяся общая тенденция, безусловно, по-разному отражается в сознании и поведенческих практиках различных социальных групп, поскольку группы обладают разными адаптационными возможностями.

Актуальной научной задачей становится обоснование факторов и условий для успешной адаптации к рискогенному контексту среды, для снижения адаптивной асимметрии в обществе и поиск критериев дифференциации населения России по проявленности склонности к кризису адаптации.

Свой вклад в решение поставленной задачи автор видит в анализе связи социального самочувствия населения России с особенностями выбора способа «освоения» неопределённости при взаимодействии с рискогенным контекстом жизненной среды.

Методологическая основа и исходные положения исследования

Дальнейший анализ строится на положениях, верифицированных в процессе многолетних эмпирических исследований социальной адаптации к условиям риска и неопределённости коллегами по научной проблематике, включая автора статьи.

Рискогенный контекст среды нарушает базовую потребность в безопасности, тем самым определяя особенности процесса адаптации. Целью адаптации в такой среде становится формирование нового статуса безопасности социальных субъектов, адекватного изменяющимся условиям среды. Процесс адаптации к рискогенному контексту может быть успешным тогда, когда адаптант достигает определённого статуса безопасности, основанного на высоких оценках удовлетворения этой базовой потребности. В рискогенных средах субъективная оценка безопасности входит в число факторов, определяющих социальное

самочувствие и, следовательно, уровень адаптированности к соответствующему контексту. В связи с этим для комплексного анализа адаптированности к рискогенной среде становится необходимым включение оценки безопасности в показатель социального самочувствия.

В рискогенной среде, характеризующейся высокой неопределённостью, а значит, непредсказуемостью исходов социальных действий и процессов, адаптация требует затрат ресурсов не только на достижение желаемых результатов, но и на учёт потенциальных, часто скрытых рисков. Базовым компонентом формирования адаптационных механизмов и стратегий становится «освоение» неопределённости через выбор способа взаимодействия с рискогенным контекстом среды.

Методологической основой поиска объяснительной модели адаптированности к рискогенному контексту жизненной среды населения России в исследовании послужит положение *полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности*¹ о выборе стратегии действий. В основе взаимодействия со средой в ситуациях с «мультивариантным исходом» лежит «рациональный выбор стратегии действий», основанный на «субъективной ценности (значимости, полезности) того или иного исхода, разрешения проблемной ситуации и институционально-нормативного контекста этой ситуации» [6, с. 158].

В рискогенной среде «мультивариантность исхода» действий и процессов обуславливается двойственной природой риска как потенциальной возможности выигрыша или ущерба и предполагает выбор между принятием возможного ущерба в ожидании последующего успеха или избеганием ущерба из-за опасения неудачи. Методологические положения полипарадигмальной концепции системы жизненного ориентирования личности позволяют сформулировать утверждение, что этот выбор основывается на принципиально разной рациональности, формирующей разные стили поведения и приводящей к разным результатам, и, по сути, представляет собой *выбор способа взаимодействия с риском, лежащий в основе адаптивных механизмов в рискогенных средах* и может быть критерием дифференциации населения для эмпирического анализа особенностей социальной адаптации.

В предшествующем исследовании, опираясь на данные опроса населения России по репрезентативной общероссийской выборке², удалось выделить три целевые группы, различающиеся позициями выбора действий в ситуации адаптации к современному российскому контексту. Первую группу составляют те,

¹ Полипарадигмальная концепция системы жизненного ориентирования личности разработана и апробирована А. В. Мозговой применительно к средам с неопределённостью и ситуациям с мультивариантным исходом [6].

² Исследование «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (рег. номер 124091200014-0) проведено в октябре 2024 года при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (руководитель проекта – академик РАН, доктор социологических наук М. К. Горшков).

кто, принимая решение действовать, пытается избежать ущерба, то есть риска потерь, вторую – те, кто ориентируется на возможные преимущества, несмотря на риск ущерба, в третью группу вошли респонденты, которые не заявили своей чёткой позиции ¹.

Сравнительный анализ целевых групп по представлениям о жизненных перспективах, индивидуальному ресурсному потенциалу и практикам планирования собственной жизни позволил установить, что лежащая в основе выбора способа взаимодействия с риском личностная установка может выполнять как защитную функцию, так и функцию развития через приобретение новых возможностей и ресурсов, а уклонение от выбора указывает на несформированность личностной установки на взаимодействие с риском, что определяет отсутствие основы для выстраивания механизма адаптации в рискогенной среде [7].

Интерпретация полученных результатов дала возможность «выйти» на гипотезу о том, что выбор способа взаимодействия с рискогенным контекстом среды может стать фундаментом формирования разных адаптивных механизмов (развитие, защита, реверсия или уход ²), влияющих на успех адаптации. Проверить эту гипотезу в рамках одной статьи не представляется возможным, она требует масштабного изучения и дополнительных эмпирических данных, которыми в настоящий момент автор, к сожалению, не располагает. Однако исследование «роли» выбора способа взаимодействия с риском как фактора адаптированности, то есть успешности/неуспешности адаптации, и фактора, способствующего/препятствующего адаптивной асимметрии в обществе, представляется продуктивным на первом этапе запланированного углублённого изучения.

Для этого осуществим сравнительный анализ групп «избегающих риска (возможного ущерба)», «рискующих ради новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба» и «уклонившихся от выбора позиции» по комплексному показателю социального самочувствия для рискогенных сред.

Результаты

Прежде всего представим социально-демографический профиль изучаемых целевых групп, ставший результатом подробного эмпирического анализа и обоснования в предыдущем исследовании.

«Избегающие риска» – преимущественно женщины, в возрасте от 45 лет и старше, рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания, относящиеся к низкодоходной группе.

«Рискующие ради новых возможностей» – респонденты обоих полов, преимущественно молодые (до 29 лет) с тенденцией плавного снижения к 45 годам

¹ Для дальнейшего анализа группы условно были названы «избегающие риска (возможного ущерба)», «рискующие ради новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба» и «уклонившиеся от выбора позиции» (их доли в выборке составляют 44,0, 35,4 и 20,6% соответственно). Подробнее процедуру формирования целевых групп см.: [7].

² Используем понятия Л. В. Корель [5, с. 270–273].

и резкого снижения к более старшему возрасту, со средним и высоким уровнем образования, входящие в профессиональные группы предпринимателей, самозанятых и имеющих семейный бизнес, рабочих высокого разряда и специалистов с высшим образованием, имеющие среднемесячный доход выше двух медиан.

«Уклонившиеся от выбора позиции» – респонденты обоих полов, преимущественно пожилого возраста (66 лет и старше), не имеющие профессионального образования, из профессиональной группы рабочих низкого разряда, а также не имеющие работу, относящиеся к нижней среднедоходной и низкодоходной группам (подробнее см.: [7]).

Как уже отмечалось, **социальное самочувствие** рассматривается как показатель адаптированности, отражающий уровень комфортности в среде и характеризующий внутреннее состояние адаптанта, определяемое удовлетворённостью его социальных потребностей. В такой интерпретации измерение социального самочувствия опирается на субъективную оценку.

Для анализа социального самочувствия за основу принят апробированный многолетними исследованиями показатель, включающий три взаимосвязанных компонента: «удовлетворённость и стабильность существования, статусно-престижная идентичность, самооценка состояния здоровья» [8, с. 25]. Для рискогенной среды показатель социального самочувствия дополним субъективной оценкой личной безопасности, включающей оценку удовлетворённости потребности в безопасности и уровня тревожности как составляющей эмоционально-психологического состояния. Как показывает практика, именно такая субъективная оценка отражает статус личной безопасности [9].

Имеющиеся данные позволяют осуществить сравнительный анализ **удовлетворённости и стабильности существования** целевых групп по самооценкам удовлетворённости жизнью в целом, жизненных перспектив и чувств, испытываемых в отношении будущего.

Рассчитаем индекс удовлетворённости жизнью по формуле:

$$I_{\text{уж}} = (a + 0,5b - c) \div (a + b + c),$$

где «а» – количество респондентов, поставивших высокие оценки тому, как складывается их жизнь в целом, «b» – количество респондентов со средними оценками удовлетворённости жизнью, «с» – с низкими. Значения индекса изменяются в диапазоне от +1 до –1. Положительные значения указывают на удовлетворённость жизнью, и чем ближе величина этих значений к +1, тем выше её уровень. Отрицательные значения индекса указывают на неудовлетворённость жизнью: чем ближе величина этих значений к –1, тем больше респонденты не удовлетворены тем, как складывается их жизнь.

В группах избегающих риска и ориентирующихся на новые возможности значения индекса одинаковы, равны рассчитанному по массиву в целом и составляют 0,6. В группе уклонившихся от выбора индекс значительно ниже – 0,4. Рассчитанные значения индекса позволяют утверждать, что уровень удовлетворённости жизнью избегающих риска и рискующих ради новых возможностей

выше среднего, в отличие от группы уклонившихся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском.

О своём будущем респонденты из всех целевых групп задумываются в равной степени, чуть более половины в каждой группе делают это регулярно, около трети – иногда. Вместе с тем наблюдаются значимые различия¹ целевых групп по оценкам их личных жизненных перспектив (см. табл. 1) и чувствам, испытываемым в отношении будущего (см. рис. 1).

Таблица 1

Оценка личных жизненных перспектив на ближайший год в целевых группах, 2024 г., %

Название группы	Характер оценки		
	Жизнь улучшится	Жизнь ухудшится	Останется без изменений
Избегающие риска	17,7	29,2	53,1
Рискующие ради новых возможностей	26,9	19,2	53,9
Уклонившиеся от выбора позиции	12,4	30,3	57,3

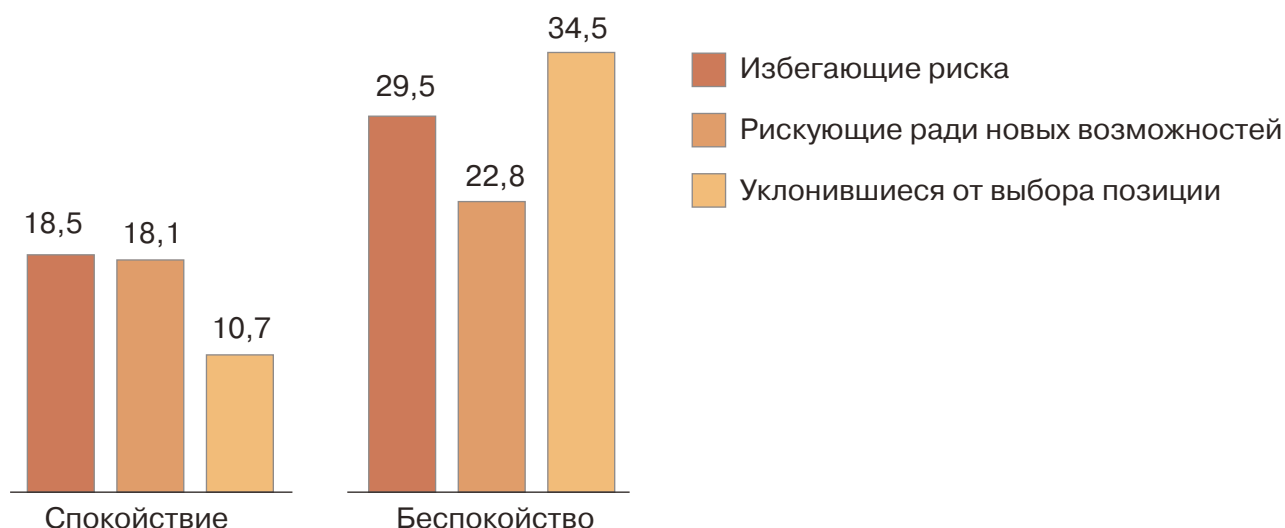

Рис. 1. Оценка противоположных чувств в отношении собственного будущего, 2024 г., % (доля в каждой целевой группе)

Чуть более половины респондентов в каждой из целевых групп считают, что их жизнь в ближайшем будущем не изменится, что соответствует доле по массиву в целом (54,2%). Ориентирующиеся на возможности значимо больше остальных ожидают улучшения собственной жизни и меньше – ухудшения. Наименее оптимистичными в оценках личных жизненных перспектив оказались респонденты, уклонившиеся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском.

¹ Выводы о наличии или отсутствии статистически значимой взаимосвязи между переменными и экстраполяция полученной информации на генеральную совокупность основаны на расчётах хи-квадрата Пирсона, о силе связи – на расчётах коэффициента сопряжённости (уровень доверия – 95%).

Оценки избегающих риска приближены к средним по массиву, однако в ожидании ухудшения собственной жизни они схожи с группой уклонившихся от выбора.

Доли оценок таких чувств о собственном будущем, как уверенность, надежда, страх и отчаяние, в целевых группах существенно не различаются и соответствуют долям в массиве (15,0, 30,1, 3,9 и 1,5% соответственно). Статистически значимая связь позиции по выбору способа взаимодействия с риском зафиксирована с оценками противоположных чувств – спокойствия и беспокойства.

Респонденты, уклонившиеся от выбора позиции, значительно больше остальных чувствуют беспокойство в отношении собственного будущего и меньше – спокойствие. Представленные доли этих чувств в группе значимым образом отличаются от соответствующих долей в других целевых группах и от значений по массиву в целом. Ориентирующиеся на новые возможности значительно меньше чувствуют беспокойство за собственное будущее. Оценки избегающих риска амбивалентны: по спокойствию за собственное будущее в процентных пунктах они схожи с ориентирующимися на возможности, а по беспокойству – ближе к группе уклонившихся от выбора позиции.

Следующим компонентом социального самочувствия, включённым в анализ, выступает **статусно-престижная идентичность**, которую будем анализировать по самооценкам материального положения и его динамики, а также самооценкам социального статуса.

На рисунке 2 представлены сводные данные по замерам материального положения и его динамики.

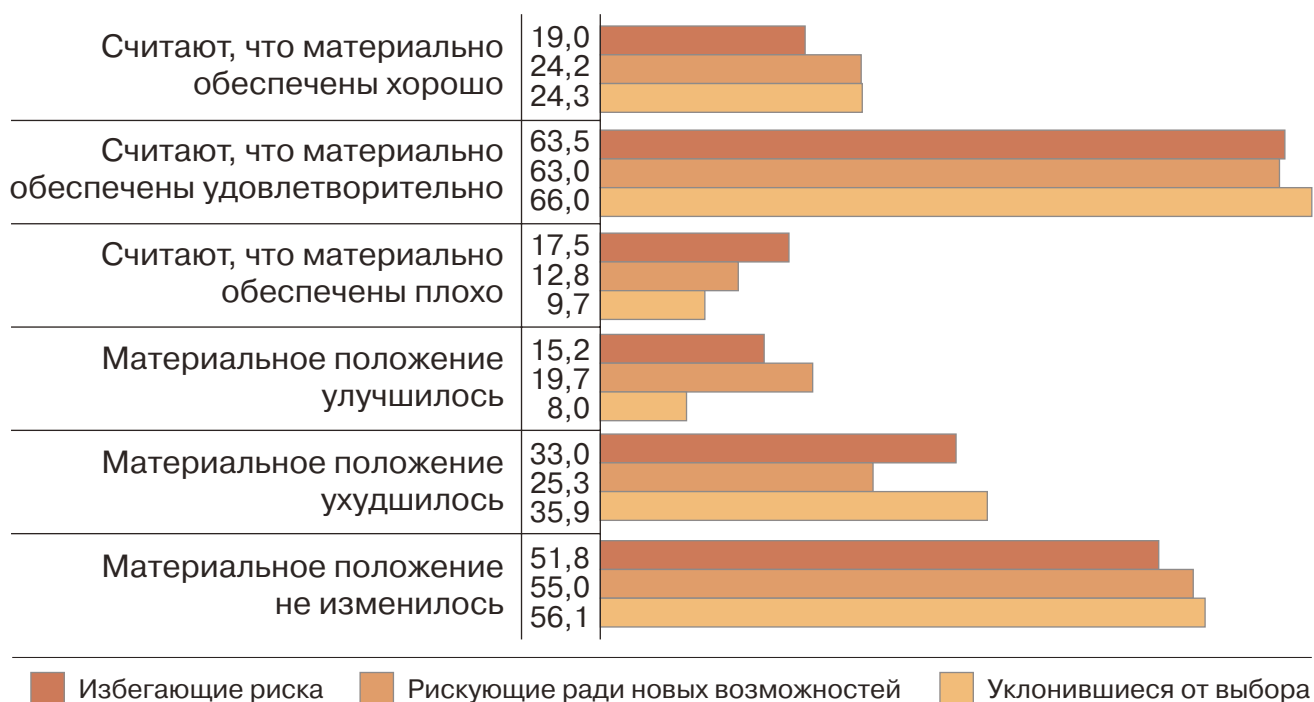

Рис. 2. Самооценки материального положения и его динамики в целевых группах, 2024 г., %

Статистически значимые различия между самооценками материального положения и его динамики с позицией относительно выбора способа взаимодействия с риском не обнаружены. Отметим склонность к позитивным оценкам динамики своего материального положения ориентирующихся на новые возможности, а избегающих риска и уклонившихся от выбора позиции, напротив, к негативным.

Для оценки социального статуса в ходе опроса респондентам предлагалось отнести себя к тому или иному социальному слою общества и определить основания сделанного выбора. Респонденты из всех целевых групп оказались единодушны в выборе критериев определения социального слоя, к которому они относят сами себя. В таблице 2 представлены результаты ранжирования этих критериев по величине долей их выбора в целевых группах.

Абсолютное большинство респондентов из всех целевых групп главным основанием для отнесения себя к тому или иному социальному слою считают уровень доходов, остальные критерии оказались значительно менее важными. По сути, мы будем анализировать самооценки социального статуса целевых групп по классической шкале «богатства – бедности», принятой к измерению социального самочувствия (см. табл. 3).

Обнаружены статистически значимые различия между позициями выбора способа взаимодействия с риском и самооценками социального положения по уровню доходов. Респонденты из всех целевых групп склонны относить себя к средним социальным слоям. Однако ориентирующиеся на новые возможности чаще остальных относят себя к их верхней части, уклонившиеся от выбора – к нижней. Кроме того, доля относящих себя к низшим слоям общества в группе уклонившихся от выбора позиции выше по сравнению с другими целевыми группами и существенно превышает соответствующую долю в массиве (7,7%). Распределение долей избегающих риска амбивалентны: по процентным пунктам применительно к верхней части средних слоёв они ближе к уклонившимся от выбора позиции, к нижней – равноудалены от значений остальных групп.

Таблица 2

Распределение критериев отнесения себя к тому или иному социальному слою по величине долей выборов, % (доли выборов критерия во всех целевых группах)

Величина/диапазон значений долей выборов критерия	Критерии
Свыше 80	уровень доходов
31–50	уровень имущества и богатства; уровень образования и квалификации
11–30	престиж профессии, должности в обществе; возможность проводить отпуск, досуг; возможность пользоваться качественными медицинскими услугами
До 10	возможность бывать в разных странах мира; объём властных полномочий

Таблица 3

Распределение респондентов из целевых групп по социальным слоям
в соответствии с уровнем доходов: самооценки, 2024 г., %

Название группы	Характеристики социальных слоёв				
	Верхние слои	Верхняя часть средних слоёв	Средняя часть средних слоёв	Нижняя часть средних слоёв	Низшие слои
Избегающие риска	0,3	9,3	55,4	27,2	7,8
Рискующие ради новых возможностей	1,8	14,5	57,3	22,1	4,3
Уклонившиеся от выбора позиции	0,7	6,1	48,1	31,8	13,3

Важнейшим компонентом социального самочувствия является **состояние здоровья**. Как хорошее состояние своего здоровья оценивают 30,0% избегающих риска, 41,3% ориентирующихся на новые возможности и только 19,9% уклонившихся от выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском. Полученный результат ожидаем и обусловлен возрастными различиями представителей целевых групп. Как было показано выше, в группе уклонившихся от выбора, в отличие от остальных групп, преобладают респонденты старших возрастов. Здоровье, являясь естественным ресурсом, с возрастом истощается, что не может не влиять на оценку его состояния. Чтобы исключить влияние возрастного фактора, в анализ включена самооценка состояния здоровья как индивидуального ресурса, измеряемая через его достаточность для решения актуальных жизненных задач, в том числе адаптации (см. табл. 4).

Таблица 4

Самооценки достаточности здоровья для решения актуальных
жизненных задач в целевых группах, 2024 г., %

Название группы	Уровень достаточности здоровья			
	Хватает	Скорее хватает	Скорее не хватает	Не хватает
Избегающие риска	23,3	38,5	25,0	13,2
Рискующие ради новых возможностей	31,1	46,0	17,5	5,4
Уклонившиеся от выбора позиции	16,4	38,0	27,7	17,9

Зафиксированы статистически значимые различия выбора позиции в отношении способа взаимодействия с риском и самооценок достаточности здоровья для решения актуальных жизненных задач, то есть для успешной адаптации. Сопоставление высоких и низких оценок в целевых группах указывает на достаточное для решения насущных задач состояние здоровья у ориентирующихся на новые возможности и недостаточное у избегающих риска и уклонившихся от выбора позиции.

Расширенный для рискогенных сред показатель социального самочувствия включает **субъективную оценку личной безопасности**, которую будем измерять через ощущение личной безопасности и уровень тревожности.

По средним оценкам ощущения безопасности целевые группы схожи между собой. Значимые различия наблюдаются применительно к позитивным и негативным оценкам. Относительно безопасно ощущают себя 31,1% рискующих ради новых возможностей, 20,3% избегающих риска и 16,4% уклонившихся от выбора позиции. Недостаток безопасности ощущают 5,4% ориентирующихся на возможности против 13,1% и 17,9% в остальных группах соответственно. Полученные результаты позволяют утверждать, что базовая потребность в безопасности удовлетворена только у респондентов, рискующих ради новых возможностей.

Как уже отмечалось, тревожность в массовом сознании выполняет сигнальную функцию незащищённости от негативного воздействия рискогенного контекста среды, а пороговое значение безопасности определяется уровнем тревожности в сознании социальных субъектов. Тревожность в повседневном психологическом состоянии преобладает у 49,5% уклонившихся от выбора позиции, у 41,6% избегающих риска и у 35,0% ориентирующихся на новые возможности. Сравнительный анализ со средним значением по массиву показывает, что в первых двух группах уровень тревожности значимо выше, в третьей – ниже, чем по массиву в целом.

Результаты анализа связи выбора позиции в отношении способов взаимодействия с риском и субъективной оценки безопасности позволяют говорить о сформированности на момент опроса статуса безопасности только в одной из целевых групп – рискующих ради новых возможностей.

Подводя итог результатам осуществлённого эмпирического анализа, составим сводную таблицу «проявленности» вошедших в анализ компонент социального самочувствия, в отношении которых зафиксирована статистически значимая связь с выбором способа взаимодействия с риском. Для этого продемонстрируем наличие/отсутствие детерминант хорошего социального самочувствия в целевых группах (см. табл. 5)

В целом наличие всех рассматриваемых детерминант хорошего социального самочувствия в группе *рискующих ради новых возможностей* указывает на высокий уровень адаптированности этих респондентов к рискогенной среде и сформированный статус безопасности, адекватный сложившимся условиям. Выбор позиции, ориентированной на готовность рискнуть ради поиска новых возможностей, не взирая на вероятность ущерба, является фактором успешной адаптации и ассоциируется с выбором механизма адаптации-развития, когда адаптант конструктивно относится к общественным изменениям, готов к корректировке жизненных целей и (или) средств их достижения [5, с. 270].

Избегающие риска характеризуются рассогласованием детерминант социального самочувствия. Сочетание достаточно высокого уровня удовлетворённости жизнью с повышенной тревожностью, неудовлетворённой потребностью в безопасности и склонностью к негативным ожиданиям в отношении

Таблица 5

Характер проявленности детерминант хорошего социального самочувствия
в целевых группах

Детерминанты хорошего социального самочувствия	Наличие/отсутствие детерминанты в группах		
	Избегающие риска	Рискующие ради новых возможностей	Уклонившиеся от выбора позиции
Удовлетворённость жизнью выше средней	+	+	—
Позитивные оценки жизненных перспектив	—	+	—
Спокойствие за собственное будущее	±	+	—
Самооценки социального статуса выше средних	±	+	—
Хорошее состояние здоровья	—	+	—
Потребность в личной безопасности удовлетворена	—	+	—
Низкий уровень тревожности	—	+	—

собственного будущего указывает как минимум на незавершённость процесса адаптации к рискогенному контексту среды. Такой профиль адаптированности ассоциируется с квазиадаптацией, когда процесс выстраивания потерянного равновесия со средой имитируется, а в реальности не приводит к достижению адаптивной цели [5, с. 398]. Кроме того, наблюдаемое несоответствие оценок удовлетворённости жизнью практически полному отсутствию других признаков адаптированности в сознании респондентов рассматриваемой целевой группы указывает на то, что сделавшие выбор в пользу избегания риска являются социальной базой адаптивной асимметрии в обществе.

Отсутствие детерминант хорошего социального самочувствия в группе *уклонившихся от выбора позиции* свидетельствует о том, что неосуществлённый выбор способа взаимодействия с риском в ситуации адаптации к рискогенному контексту среды определяет неадаптированность и может являться критерием выявления в обществе дезадаптантов.

Заключение

Сегодня российское общество переживает период сбывшихся прогнозов классика отечественной социологии риска О. Н. Яницкого, который, концептуализируя «эпоху турбулентности» в развитии мирового сообщества в целом и российского общества в частности, утверждал, что состояние критической (или чрезвычайной) ситуации может становиться «неустранимым моментом современной фазы» общественного развития [10, с. 6]. Подтверждением тому

служит череда абсолютно новых для нашего общества чрезвычайных событий высокой степени рискогенности, формирующих контекст жизненной среды, вызывающих её слабо предсказуемые изменения. Процесс социальной адаптации к таким условиям усложняется отсутствием адаптивного опыта, а значит – характеризуется несформированными адаптационными механизмами и непробированными стратегиями.

Перед научным сообществом стоит актуальная и ответственная задача изучения комплекса факторов, обуславливающих особенности процессов адаптации в современной России, которое должно быть направлено на углубление научного знания об опыте успешной адаптации с дальнейшим закреплением его на практике через социологическое обеспечение эффективных управленческих решений в сфере социального управления и социальной политики.

Речь идёт, прежде всего, о необходимости выявления и обоснования новых тенденций в процессе формирования адаптационных механизмов, позволяющих населению адекватно воспринимать перемены и оперативно реагировать на происходящие изменения, что в том числе означает – выбирать наиболее эффективные способы преодоления неопределённости, приводящие к росту адаптированности в рискогенной среде.

В статье предпринята попытка поиска «точки опоры» при выстраивании взаимодействия с изменяющейся под воздействием рискогенного контекста средой. Одним из факторов успешной адаптации выступает выбор активного освоения неопределённости через поиск в рискогенной среде новых возможностей для роста собственного благополучия и личного развития, причём как на «входе» в адаптационный процесс, усиливая адаптивность [7], так и на «выходе», повышая адаптированность населения и снижая адаптивные асимметрии в обществе.

В целом в руках адаптантов и социальных институтов, призванных способствовать социальной адаптации, оказывается новое *средство адаптации*, имеющее социально-психологическую природу, направленное на «формирование типа личности, готовой к любым переменам, к пребыванию в меняющихся условиях и средах, в том числе к действиям в критических обстоятельствах» [11, с. 73–74].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. 284 с. ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984). EDN [GJITZD](https://www.edn.ru/GJITZD).
2. Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. М. : Издательство «Весь Мир», 2024. 352 с. ISBN 978-5-7777-0927-1. EDN [OYVDFP](https://www.edn.ru/OYVDFP).
3. Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2025. 352 с. ISBN 978-5-7777-0969-1. EDN [SKXDAR](https://www.edn.ru/SKXDAR).

4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 9–27. DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1). EDN NVQFNK.
5. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики / Л. В. Корель. Новосибирск : Наука, 2005. 423 с. ISBN 5-02-032352-7. EDN QODTJX.
6. Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4. С. 151–165. DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808). EDN WHBFAU.
7. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Адаптация к меняющейся социально-политической среде: детерминанты установки на отношение к риску // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2025. № 23. С. 357–396. DOI [10.19181/ezheg.2025.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.12). EDN NIRSVL.
8. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков / П. М. Козырева. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. ISBN 5-88790-109-8. EDN MEVMWP.
9. Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 3. С. 56–75. DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993). EDN MAKRVJ.
10. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (08). С. 5–24. EDN TBWLSX.
11. Яницкий О. Н. Адаптация как вечная проблема // Власть. 2016. Т. 24, № 4. С. 68–74. EDN TQTUAB.

Сведения об авторе

Е. В. Шлыкова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: [2432-5258](https://orcid.org/0000-0002-2875-271X)

Статья поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 01.12.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8).

THE SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN ADULT POPULATION AS AN INDICATOR OF ADAPTABILITY TO THE RISK-GENERATING CONTEXT (ON A REPRESENTATIVE NATIONWIDE SURVEY)

Elena Viktorovna Shlykova

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Moscow, Russia

shly-ev@yandex.ru,

ORCID [0000-0002-2875-271X](https://orcid.org/0000-0002-2875-271X)

For citation: Shlykova E. V. The social well-being of the Russian adult population as an indicator of adaptability to the risk-generating context (on a representative nationwide survey). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(4):195–211. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.4.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.4.8).

Abstract. The starting point for the analysis is the idea that the adaptive situation experienced by Russian society is unique, as it is caused by the need to interact with the risk-generating context, which is formed by the long-term exposure to vital risks. The generalizing analysis of monitoring measurements of social well-being and the specificity of anxiety has revealed contradictory trends in the state of the Russian population adaptation, which are defined as adaptive asymmetry. Based on the methodological principles of the poly-paradigm conception of the individual's life orientation system, an explanatory model has been developed to describe the specific features of the adaptation process to the risk-generating context. The author assumes that adaptive mechanisms in risk-generating context are based on the choice of how to deal with risk, namely, whether to accept potential damage in anticipation of subsequent success or to avoid damage out of fear of failure. The hypothesis about the "role" of the choice of how to interact with risk as a factor in the success or failure of adaptation and in promoting or hindering adaptive asymmetry in society is empirically tested. Based on data from an all-Russian representative sociological survey, a comparative analysis of target groups with different positions on how to interact with risk is conducted using an expanded measure of social well-being for risk-generating context. It has been shown that the choice of actively mastering uncertainty through the search for new opportunities in a risk-generating context to increase one's own well-being and personal development is a factor in improving the adaptability of the population and reducing adaptive asymmetries in society.

Keywords: risk-generating context, living environment, uncertainty, safety status, ways of interacting with risk, adaptive asymmetry, social well-being, adaptability

REFERENCES

1. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book six. Moscow: Ves' Mir; 2022. 284 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0898-4. DOI [10.55604/9785777708984](https://doi.org/10.55604/9785777708984).
2. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book seven. Moscow: Ves' Mir; 2024. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0927-1.
3. Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. Russian society and challenges of the time. Book eight. Moscow: Ves' Mir; 2025. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0969-1.
4. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. How emergency events change the lives of Russians: new challenges and the stability of adaptation. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):9–27. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1).
5. Korel L. V. Sociology of adaptation: questions of theory, methodology and methods [Sociologiya adaptacij: Voprosy' teorii, metodologii i metodiki]. Novosibirsk: Nauka; 2005. 423 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032352-7.
6. Mozgovaya A. V. Identifying, evaluating, and adapting to risks in an atmosphere of uncertainty. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(4):151–165. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808).
7. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Adapting to a changing socio-political environment: determinants of risk attitudes. *Russia in Transition*. 2025;(23):357–396. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2025.12](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.12).

8. Kozyreva P. M. Adaptation processes and the evolution of Russians' social well-being at the turn of the 20th and 21st centuries [Processy' adaptacii i e'voljuciya social'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov]. Moscow: Centr obshhechelovecheskix cennostej; 2004. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-88790-109-8.
9. Shlykova E. V. Subjective assessment of personal security as an indicator of adaptation to a risky environment. *Sociological Journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2018;24(3): 56–75. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2018.24.3.5993](https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993).
10. Yanitsky O. N. Sociology of critical states of society: theoretical and methodological problems. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2014;4(08):5–24. (In Russ.).
11. Yanitsky O. N. Adaptation as a perpetual problem. *Power=Vlast'*. 2016;24(4):68–74. (In Russ.).

Information about the Author

E. V. Shlykova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [I-5428-2016](#)

Scopus AuthorID: [56153620300](#)

The article was submitted 16.11.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 01.12.2025.